

О революции 1917 года

В конце прошлого, 1946 года в Москве вышел третий том «Сочинений И. В. Сталина»¹, посвященный, как выражается «Правда», «подготовке Великой Октябрьской Социальной революции», т. е. пораженческой работе Ленина, Сталина и прочих, после падения монархии, во время демократической и всенародной Февральской революции.

Именно теперь, когда сознанием измученного страшной войной и замученного нестерпимым беспорядком народа владеет мечта о раскрепощении, о свободе, о возможности жить по своему праву, — именно теперь «третий том» Сталина снова и снова вбивает в головы советских людей нелепые басни о Феврале.

Уже тридцать лет прошло с начала Февраля, а *правда* о нем все лежит под спудом казенной лжи и будет лежать, пока в России существует террористическая диктатура, созданная во имя «пролетарского интернационализма». Ибо нынешняя, ищущая свободы советская молодежь, нынешнее, истосковавшееся по земле колхозное крестьянство — не должны знать, что и Земля, и Воля были уже в руках у самоправного народа в тот короткий февральский миг, который Сталиным же назван был «величайшим переломом в русской истории».

Аршином времени значение исторических событий не измеряется. Можно даже сказать: чем решительнее последствия события в истории, тем меньше оно занимает места во времени. А в самом слове «перелом» уже слышится — неожиданность, стремительность, мгновенность.

И действительно, величайший в истории России перелом произошел ровно в 72 часа! Между началом — совершенно неожиданным — восстания Волынского полка на заре 27 февраля и отречением императора 2 марта прошло ровно три дня. В эти три дня — вне человеческой воли и помимо человеческого сознания — совершилось настоящее социальное чудо: не только погибла монархия, не только был взорван весь административный аппарат империи, но исчезли также — политическая власть и социальная мощь вчера еще господствовавших классов и сословий!

* * *

...Какая сила могла удержать расплавленное тело России от окончательного распада? Какие силы могли предупредить, остановить анархию? Как могла пережить Россия первые недели хаоса, когда революция еще только рождалась, когда еще только загоралось в сознании народа чувство новой государственности?

Никакой ученый теоретик, историк, социолог, психолог не мог предсказать, не мог даже представить себе глубину психологического потрясения, которое пережила Россия в минуту падения монархии. *Ощущение неограниченной свободы*, освобождение от всех, самых обязательных во всяком человеческом общении ограничений овладело населением империи в 170 с лишком миллионов. А тут же каждый вдруг почувствовал страшную усталость, переутомление от трехлетнего напряжения войны. Наступил какой-то паралич воли. Россия перестала — на фабриках работать, на фронте — сражаться. Население как будто утратило способность повиноваться. Начальство — приказывать и командовать. На мгновение судьбы России, война были забыты. Кое-где в деревне крестьяне начали самотеком разрешать земельный вопрос, т. е. делить земли помещиков и инвентарь. На заводах рабочие перестали работать; начали вмешиваться в управление, вывозить на тачках особенно нелюбимых директоров и инженеров. На фронте началась стихийная демобилизация. Начавшееся в зиму 1916 года дезертирство стало настоящим бедствием! Солдаты с утра до вечера митинговали, а весь офицерский корпус внезапно оказался под подозрением в «контрреволюционности». Еще 28 февраля в Кронштадте матросы жестоко расправились с офицерством; зверски убили командира Балтийского флота адмирала Вирена и с ним многих офицеров, других арестовали и держали в тюрьме в совершенно издевательских условиях.

Через день вспыхнули беспорядки во флоте в Гельсингфорсе. Новый командующий флотом адмирал Непенин был из-за угла убит немецким агентом. На фронте тоже были жестокие эксцессы против офицерства, но нигде не достигали балтийских размеров. В городах бывали самосуды, грабежи, всякого рода самоуправства.

Профессор Джемс Мавор, один из немногих среди исследователей нашей революции, признает, что после краха монархии вся машина местной администрации перестала функционировать, но подчеркивает: в России такое исчезновение всякой власти, всякого административного принуждения должно было неизбежно сопровождаться эксцессами населения². Почему же, собственно, только в России? Разве *после* Первой мировой войны, во время бесчисленных революций и гражданских войн большого и малого калибра, Западная Европа не видела эксцессов? А Россия была единственная страна, где и взрыв старого государства, и выросшая на развалинах революция — оба этих процесса происходили не до или после войны, а в самый ее разгар, во время самого тяжелого кризиса на фронте. И нужно удивляться не тому, что были эксцессы, а тому, что они носили только спорадический характер,

что анархический развал был все-таки остановлен, был восстановлен авторитет власти и административный аппарат управления. Ожил фронт, Россия начала снова работать, и был заложен фундамент демократического государства на основе глубоких социальных реформ.

* * *

Почему это случилось? Это случилось потому, что кроме хаоса была еще... революция! Впрочем, после большевизма, фашизма, гитлеризма в этом слове слышатся только ужас, кровь, насилие, издевательство над свободой, презрение к человеку. Если называть тоталитарные перевороты, как теперь принято, революцией, то наше время было не-революцией. Все, чем сильны и чем гордятся тоталитарные режимы, мы отрицали и ненавидели, ибо без свободы политической «социальное освобождение» превращается в невыносимое рабство!

После падения царского режима были краткие месяцы, когда, казалось, восторжествовали наконец все идеи, которыми была пронизана русская духовная и политическая культура, во имя которых сто с лишком лет шла борьба. От Радищева через декабристов, Герцена, «Народную волю», великих русских писателей, безымянные тысячи культурной молодежи, уходившей на каторгу во имя освобождения народа, через 1905 год и Государственную Думу — прямая дорога вела к весенним дням 1917 года.

Теперь о них забыли! Они залиты кровью и ужасом последующих долгих лет русской Голгофы. Однако, повторяю, значение исторических событий не измеряется их длительностью во времени, а их внутренним содержанием. Гитлер и Муссолини гордились тем, что они порвали все связи с идеями свободы и демократии. Где они теперь?!.. У нас тоталитарный режим задавил свободу и демократию, спрятавшись под маску «совершенной демократии» с ее — на бумаге — «самой демократической в мире конституцией». Но ведь в этой конституции в искаженном виде обещано на бумаге все то, что Россия имела уже в своих руках в 1917 году. И к тому, что она имела, — Россия вернется! Февраль был черновым наброском — грядущей в новом освобождении народной России!

* * *

Сначала, после распада старой России, у новой власти — и вообще ни у кого в России — не было в руках никакой физической силы принуждения. И пока восстанавливался административный аппарат, сдерживающей и организующей силой было — Слово. Верой в творческую силу свободы, в разум народа преодолели

мы все вместе, вся Россия, от первого председателя Временного правительства, князя Львова, до рядового кооператора и сельского учителя, — первые страшные недели, когда часто отчаяние заползало в душу самых сильных среди нас. Сотни тысяч энтузиастов-добровольцев заменяли административную машину, пока она заново строилась. С первого дня хаоса во всех деревнях, уездных и губернских городах создавались разного рода комитеты, Советы, которые всякими, иногда наивными, способами восстанавливали порядок; убеждением и словом останавливали насилия; создавали примитивные формы администрации. Они связывались с земствами, с кооперативами, с городскими самоуправлениями. Разорванные социальные связи постепенно опять срастались.

В этот период революции, когда силы сцепления еще не успевали за силами распада, Петербургский и местные Советы сыграли огромную и положительную роль. Большевики-пораженцы там были в меньшинстве. Советы политически были в руках оборонческой, социалистической и демократической интеллигенции (меньшевики, социалисты-революционеры, трудовики, национальные социалистические партии и т. д.). Советы были популярны в низах. Их вожди, чувствуя за собой силу масс, часто преувеличивали свою роль; вызывали против себя страшное раздражение у людей, привыкших жить в нормальных условиях государственного порядка. Петербургский Совет причинял много затруднений Временному правительству и часто своей бестактностью давал повод для легенды о «двоевластии». Но я могу со спокойной совестью защищать положительную роль Советов, потому что у меня самого с руководителями Петербургского Совета были довольно острые отношения. Я считал, что представители Советов и социалистические партии, которые поддерживали Временное правительство, должны от удобной позиции «благожелательной оппозиции» отказаться и взять на себя прямую ответственность за управление государством. Они это и сделали с опозданием на два месяца! Играя же в оппозицию, не зная всей трагической трудности положения страны, вожди и ораторы советские часто своей безответственной критикой правительства играли в руку демагогам; давали пищу для разнузданной в низах агитации против правительства «капиталистов».

* * *

А между тем это правительство «капиталистов» было настоящим демократическим, народным правительством свободной страны и революции. Нас было одиннадцать: «десять министров-капиталистов» и один «заложник демократии»³. Перед нами

стояла тройная задача совершенно нечеловеческой трудности. Мы должны были: 1) восстановить весь аппарат управления государством сверху донизу; 2) продолжать во что бы то ни стало войну и 3) в срочном порядке провести ряд коренных политических и социальных реформ, которых требовала революция.

Революция, война и восстановление государства сплелись в один узел, который нельзя было разрубить, а надо было распутать. Ни одно правительство во время войны не несло такого тройного груза и такой тройной ответственности. Мы отлично видели всю логическую несовместимость войны и революции. До краха монархии мы делали все, чтобы избежать революции во время войны. Теперь мы стояли перед фактом: революция случилась во время войны. Оставалось — или дезертировать, спрятаться в угол, или, рискуя всем, спасти то, что еще можно было спасти. Пойти на такую работу без энтузиазма, без веры в творческие силы России, в разум народа было невозможно. И мы, почти все из нас, в это верили. Первые два месяца во Временном правительстве — одно из самых светлых воспоминаний в моей жизни. Ибо я видел своими глазами, с каким самоотречением от своего вчерашнего дня, от всех своих «классовых интересов» и политических программ могут работать люди, для которых спасение родины стоит выше всего. Потом подъем прошел. Отцвели цветы и догорели огни революции. Некоторые из нас стали стыдиться своего бывшего энтузиазма; отказываться от своего собственного прошлого. Но это прошлое *было*. Оно навсегда записано на страницах русской истории.

Нам казалось, что падение старого режима со всем его тяжким прошлым освободит Россию от крови и насилия; предаст забвению старые счеты и старые распри. «Верьте в силу русской свободы», — повторял часто князь Г. Е. Львов. Символом примирения были всеобщая политическая амнистия, вернувшая в Россию всех политических эмигрантов, освободившая всех политических заключенных, и отмена смертной казни. Потом эту отмену жестоко осуждали, но тогда, в марте 1917 года, она вызвала подлинный восторг во всех общественных кругах и во всей без исключения печати. Протестовать приходили только некоторые крайние левые — поклонники «якобинского террора». Им тогда уже хотелось крови, а этой крови правительство ни за что не хотело допустить — какой угодно ценой! В этой России бушующих страстей первая кровь «революционного трибунала» вызвала бы ее потоки по всей России. Мы этого не хотели. Мы с нетерпением ждали спасительного перелома в психологии потрясенного событиями народа. Верили в этот перелом и его дождались.

А в ожидании, работая день и ночь, Временное правительство подвело под Россию новый политический и социальный фундамент.

Зачем вспоминать сейчас об этой огромной работе? Что от нее осталось? Ничего. Но, не зная, какой была Россия перед Октябрем, можно действительно поверить, как верят многие в СССР, что большевики свергли «контрреволюционное правительство империалистов», которое не давало рабочим и крестьянам всей свободы, служило англо-французским банкирам и поддерживало помещиков против крестьян в деревне.

* * *

«Третий том» Сталина ураганным огнем обстреливает земельную политику Февраля. Временное правительство, — видите ли, — всячески оттягивало решение аграрного вопроса, в надежде выиграть время, чтобы совсем снять его с повестки дня. В крайнем случае «буржуазия» надеялась отделаться подачками — отдать крестьянам земли Романовых или монастырей, но сохранить помещичью собственность. «Правительство фабрикантов и помещиков и не может иначе относиться к крестьянам, — негодует крестьянолюбец Сталин. — Что им крестьяне, здравствовали бы помещики!»

Но ведь это — демагогическая сказка, сознательно выдуманная «творцами Октября». Но ведь на самом-то деле потому Февраль и был величайшим переломом в истории России, что *он обрек уничтожению помещичье и капиталистическое землевладение и спешно готовился к передаче всей земли в пользование на ней трудящихся.*

1 апреля, т. е. всего через месяц после взрыва монархии, был опубликован декрет о коренной земельной реформе, подписанный всем правительством «фабрикантов и помещиков» и выработанный первым министром земледелия революции А. И. Шингаревым. Он был членом кадетской партии и накануне открытия Учредительного собрания, в январе 1918 года, был убит на больничной койке как «враг народа»!

Никто, вообще, не мог снять земельную реформу с порядка дня. Ибо Временное правительство ее осуществление с самого начала передало в руки самого населения. Был учрежден Центральный земельный комитет и открыты местные комитеты во всех губерниях, уездах и волостях. Во всех этих комитетах решающее большинство принадлежало членам, свободно выбранным населением. Местные же комитеты, кроме подготовки нового земельного строя, ведали в переходное время земельными отношениями в своей округе.

4 мая Центральный земельный комитет опубликовал руководящее постановление об «общем направлении, в котором будет вестись подготовка земельной реформы». «В соответствии, — говорилось там, — с новыми потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и в согласии с программами всех демократических партий страны в основу будущей земельной реформы должен быть положен принцип, что *все земли сельскохозяйственного назначения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения*».

Вековечная тяжба между помещиком и мужиком была решена в пользу деревни. Это вызывало против Февраля страшное озлобление среди крупных аграриев. Земельный переворот, санкционированный народно-революционной властью, был одним из источников попытки свергнуть Временное правительство. Большевики же воспользовались переходным временем в деревне для разжигания там анархии и гражданской войны. «Развернутая во всю ширь программа аграрной революции» большевиков летом и осенью 1917 года состояла в том, что по инструкции Ленина его единомышленники натравливали самые темные низы деревни с помощью деморализованных дезертиров на разгром усадеб и расхищение урожая. Естественно, Временное правительство, поддержанное всеми демократическими и социалистическими партиями, боролось, прибегая иногда к вооруженной силе, против срыва величайшей в истории Европы земельной реформы. Правда, и среди этих партий были влиятельные люди, которые потом писали, что со своей земельной реформой Временное правительство «слишком медлило». Но как можно было в разгар страшной войны, в разгар сельскохозяйственных работ, от которых зависел осенний урожай, т. е. судьба фронта и страны в зиму 1917/18 года, осуществить великий земельный переворот на пространстве около 250 миллионов десятин? Этого никто и никогда не объяснит! И нужно еще вспомнить, что в волостях, уездах, губерниях — всюду в земельных комитетах шла напряженная, кипучая работа. Осенью, ко времени созыва Учредительного собрания, работа была бы закончена и правительство явилось бы туда с готовым земельным проектом. С весны 1918 года вся земля оказалась бы в пользовании на ней работающих, и крестьяне не превратились бы, как теперь, в голодных крепостных государства-помещика.

Рядом с земельной реформой стояло рабочее законодательство Временного правительства. Несмотря на войну, министр торговли А. И. Коновалов сразу ввел на всех казенных заводах 8-часовой рабочий день — тогда об этом во всех странах рабочие еще только мечтали! По почину правительства 8-часовой рабочий день стал

правилом во всей частной промышленности. Были введены примитивные камеры, фабрично-заводские комитеты, а профсоюзы получили право на самое широкое самоуправление, утраченное ими целиком в СССР. Во всей своей деятельности Временное правительство исходило из убеждения, что организованный труд должен быть признан как самостоятельная сила в хозяйственной жизни страны. Великая французская революция 1789 года вывела на авансцену третье сословие — буржуазию. Во время величайшего социального переворота в России родилось как самостоятельная политическая и социальная сила четвертое сословие — сословие Труда.

Благодаря особенностям исторического развития России случилось то, что должно было случиться: установление в России политической демократии означало одновременно и торжество демократии социальной. Сам Ленин дважды — при въезде своем в Россию 4 апреля 1917 года и накануне большевистского переворота в октябре — решительно заявлял, что «Россия ныне самая свободная страна в Европе», где «отсутствует насилие над массами».

Это одно утверждение Ленина упраздняет всю ложь, которая под видом «истории» распространялась о русской демократической революции, о Временном правительстве, о социалистических партиях, о русской демократии большевиками в течение 30 лет.

* * *

Пока расплавленная Россия медленно остывала и вливалась в новую форму своего социального бытия, весь государственный строй России был перестроен на основах демократии. Нужно исписать много страниц, чтобы описать всю огромную работу, которая была проделана для этого среди бури и грозы войны и революции. Строй свободы, равенства и социальной справедливости, который стремились осуществить поколения за поколениями русских людей, *становился фактом*.

Само собой разумеется, что все гражданские и политические права человека и гражданина были фундаментом новой демократии. Была установлена полная независимость суда и несменяемость судей; все особые суды были уничтожены, и все уголовные и политические преступления были переданы в ведение суда присяжных. Все религиозные, национальные и сословные ограничения были отменены. Была объявлена полная свобода совести. Была установлена независимость Православной церкви, и в августе был созван Собор для восстановления патриаршества. Все прочие церкви, секты и религии получили полную свободу пропаганды. Женщины получили все политические и гражданские права. Был

выработан с участием представителей всех партий, общественных и национальных организаций избирательный закон для выборов в Учредительное собрание на основах всеобщего, прямого, равного и тайного — и пропорционального — представительства. На таких же основах было преобразовано во всей России городское и земское самоуправление. Был издан закон о кооперативах, который предоставил кооперативному движению огромные права в хозяйственной жизни. Законы о профессиональных рабочих союзах, об органах местного самоуправления, о кооперативах были выработаны самими их представителями. Вообще, Временное правительство хотело привлечь как можно скорее всю страну к государственному строительству, приучить население к чувству ответственности за судьбу страны.

Свободная демократическая Россия не могла быть централизованным государством. Временное правительство провозгласило независимость Польши и восстановило полную автономию Финляндии, отложив только формальное провозглашение независимости до Учредительного собрания. Представители местных национальностей были привлечены к управлению Кавказом и Туркестаном. Была учреждена комиссия, которая должна была подготовить законы для переустройства России на федеральных началах. Летом получила автономию Украина.

Я категорически утверждаю, что Временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии. Никакая дальнейшая демократизация была невозможна — она бы вела к абсурду; через абсурд — к диктатуре...

* * *

Строительство демократической России кончилось страшно... Отсюда русской реакцией и западным общественным мнением был сделан решительный вывод: русский народ не созрел для демократии и предпочел вернуться к «старому царизму» в новом красном мундире. Этот вывод так крепко засел в головах, что и после Муссолини и Гитлера и «кризиса» всей западной демократии ни у кого не возникло вопроса: «А может быть, мы ошиблись, может быть, тоталитарный режим вовсе и не вытекает из прирожденной неспособности русского народа к свободе?»

Возьмем для примера Германию. «Проклятого царизма» там никогда не существовало. Она была равноправным членом семьи

культурных народов, в отличие от «варварской» России. Она потерпела в 1918 году жестокое поражение, но ведь и Россия тогда была признана на Западе «побежденной» страной. Хозяйственный строй Германии был подорван блокадой, но ведь в России блокада в первую войну была еще суровой. В Германии были прусские юнкера и реакционные капиталисты, которые помогли Гитлеру захватить власть. Но и в России были реакционеры, которые помогали Ленину в его борьбе за власть. А когда пришел к власти Гитлер? В разгаре войны? Сейчас же после изгнания Вильгельма II, когда Германия — так же как годом раньше и Россия, — из монархии перестраивалась в республику? Захватил ли он власть, выйдя из рядов германской «революционной демократии», разыгрывая роль защитника неограниченной свободы? Ничего подобного! Между воцарением Гитлера и концом войны прошло почти 15 лет. В Германии были сильные организованные политические партии. Административная машина, полиция и войска действовали безукоризненно. Немецкая демократия и социалисты были твердо уверены, что никакая тоталитарная диктатура, по большевистским образцам, у них в Германии совершенно невозможна. Невозможное оказалось фактом... Немецкие демократы и социалисты вместе с нами оказались в изгнании во Франции. Тогда французы, в свою очередь, стали утверждать, что случившееся в России и в Германии у них произойти не может: Франция — олицетворение демократии и носительница духа свободы. В 1940 году Третья республика под первыми ударами гитлеровского тарана рассыпалась, как карточный домик. А между тем Франция в ту войну поражения не испытала; 20 лет была гегемоном Европы, и Третья республика погибла не на девятом месяце, как республика российская, а на семидесятом году своего существования. А какой станет «четвертая» — еще никто не знает!

Нет, после того, что случилось в Европе после первой и в особенности второй войны, русской демократии не нужно себя защищать и ей не в чем оправдываться. Получив в свои руки разрушенное «диктатурой безумия» государство, преодолевая внутренний хаос страшным напряжением всех творческих сил страны, Россия вышла на путь демократического строительства и восстановила аппарат государственного управления.

* * *

К концу весны распад был остановлен.

Россия и в тылу, и на фронте стала возвращаться к более устойчивым и более нормальным условиям жизни и работы. А центробежные, антидемократические силы с этого времени сосредото-

чиваются на двух полюсах: вокруг Ленина и вокруг неизвестного еще по имени военного диктатора, которого еще нет, но которого усиленно ищут на фронте.

В описаниях демократической революции в России 1917 года в «исторической» — русской и иностранной — литературе установился трафарет: со дня падения монархии Россия изображается катящейся по наклонной плоскости к хаосу и анархии прямо в объятия Ленина. Уничтожить этот трафарет сейчас едва ли возможно. Но, может быть, наступит когда-нибудь время, когда и мое свидетельство будет принято во внимание.

С первого дня падения монархии и до последнего дня краткого существования свободной, демократической России я был в самом центре развивавшейся трагедии. Малейшее изменение положения в России отражалось во мне и на мне. Я видел, чувствовал, осязал, как оглушенная взрывом монархии Россия быстро приходила в себя; как стремительно крепла она; как росли в ней творческие силы; как страна начала снова работать, снова воевать, снова приказывать и подчиняться приказу.

В том, что я пишу, нет никакой розовой воды. Целый отдельный мир, шестая часть суши с 170 с лишком миллионами населения, только что выдержал жестокое социальное землетрясение и вылезал из-под развалин. Как разрушенный город, Россия жила на бивуаках. Но она уже жила. Она уже строила. Иногда там и здесь почва содрогалась. Происходили обвалы и крушения. Но строительство нового порядка продвигалось вперед все быстрее и быстрее. Самоуправства в деревнях уменьшались. Дезертирство на фронте было остановлено. В Советах влияние большевиков после «восстания 3 июля» свелось к нулю. Анархия на заводах прекратилась, и промышленность работала снова, хотя уже, конечно, не с напряжением первых лет войны. Выбитое из колеи революцией, население возвращалось к органической работе в земельных комитетах, в кооперативах, в профессиональных союзах. По всей стране шла огромная просветительная работа. К концу лета, на основе нового, демократического избирательного закона, было восстановлено городское и земское самоуправление. Советы, отслужив свою нужную во время «взрыва» службу, сходили со сцены.

Одним словом, государственный организм настолько выздоровел и административный аппарат настолько окреп, что у небольшой группы сторонников «военной диктатуры» пропал страх перед «эксцессами революции» и они решили убрать со своей дороги к власти отслужившее свою службу в борьбе с левым хаосом «слабое и безвольное Временное правительство»!

* * *

Аграрные реставраторы пытались найти себе опору в далеком от всяких «классовых вожделений», но жестоко нравственно на фронте пострадавшем, — офицерстве во главе с генералом Корниловым, как большевики нашли себе опору в самых темных, переутомленных войной низах армии.

Диктатура во имя социальной реставрации не могла победить и на один день, ибо вместе с монархией в короткие дни «величайшего перелома» исчезла и вся мощь имущих классов. Зато, потерпев неудачу, вожди «национальной» диктатуры *широко открыли двери* диктатуре «пролетарской». Сталинский «третий том» это еще раз подтверждает!*

Дело в том, что после провала генеральского восстания правые ненавистники Февраля отнюдь не отказались от своих планов. Они пошли «к той же цели — другими средствами». Они, упорно клевета на Временное правительство, старались подорвать *доверие* растревоженных народных масс к революционной власти. Их не пугал начинавшийся уже новый развал на фронте и в тылу. Напротив. Они были в восторге. Совершенно серьезно «национальные» политические стратеги — военные и штатские — поставили ставку на Ленина. Пусть только он покончит с Временным правительством, а там «мы с ним справимся в три недели». Ленин охотно воспользовался любезно ему предоставленным трамплином. Только «три недели» почему-то затянулись на тридцать лет...

Ленин после июльского своего разгрома скрывался в Финляндии, почитая свое дело проигранным, и писал очередную книжку. И вдруг все переменялось!

«Генерал Корнилов открыл перед нами совершенно *неожиданные и невероятные* возможности», — пишет он своему ЦК в Петербурге через две недели после корниловской неудачи.

Невероятными возможностями Ленин отлично воспользовался для того, чтобы убить в России народную свободу!

Но на штурм Февраля он шел *под прикрытием* Февраля же!

Нужно свергнуть правительство «корниловца Керенского... в интересах именно *данной* (т. е. февральской. — А. К.) революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянам, ни полной свободы, вполне демократической республики — получить иначе народу нельзя»...

* Надо помнить, что и правые, и левые сторонники диктатуры нашли себе нужную опору в иностранных высших и правительственных кругах; одни — в союзных, другие — в германских.

И народ — получил! Получил вместо полной свободы и вполне демократической республики Февраля — самую полную и вполне тоталитарную диктатуру Октября*.

А теперь, через тридцать лет ленинизма-сталинизма, *что* стало — «с основными политическими требованиями русского народа, во имя которых шли на героическую борьбу лучшие его представители»?..

Но никакие ужасы диктатуры «не могут остановить развития России... Она все же идет вперед, и с каждым шагом развития все настоятельнее становятся требования политической свободы. Без политической свободы *не может жить Россия*, как и ни одна страна в XX веке.

“Да здравствует новая борьба за улучшение жизни рабочих, которые не хотят оставаться рабами на каторге фабрик и заводов!”

“Крестьяне!.. Терпеть ли последышей крепостников, сносить ли молча издевательства и надругательства чиновников?” Идите “на борьбу за политическую свободу, за переход всех земель к крестьянам. Подачками не излечить крестьянской нищеты, не избавить крестьян от голода. Не милостыни требуют крестьяне, а той земли, которую веками поливали они своим потом и кровью. Не попечение начальства нужно крестьянам, а свобода от чиновников, свобода самим устраивать свои дела”»...

Никто бы не усомнился, если бы я тут написал: все приведенное в кавычках я взял из «воззвания», ныне накануне нового страшного голода распространяемого в «Стране Советов».

Да, это воззвание нужно там распространять, но написал его... Ленин тридцать пять лет тому назад!

В нем торжествующий Октябрь услышит голос *грядущего* Февраля, грядущего освобождения: без политической свободы *нет жизни* русскому народу!..

* Ибо свобододолюбивые лозунги октябрьского восстания были сознательным демагогическим обманом. После разгона Учредительного собрания Ленин публично на съезде Советов заявил, что уже перед Октябрем большевики — «стали на позицию, твердо и решительно отстаивающую диктатуру пролетариата»...